

СОДЕРЖАНИЕ

1. Не всем удастся сбежать	7
2. Новогодний поросенок	39
3. Иисус, наш Господь. Подержанные покрышки ...	53
4. Таг-Форк	78
5. Гармоничное пространство	94
6. День святого Валентина	110
7. Что едят на Небесах	128
8. Чудо в Пёс-Сральт-парке	154
9. Имена	184
10. Фасолевый лес	198
11. Ангел в костюме	211
12. Назад, в страшную ночную тьму	223
13. Цереус, расцветающий ночью	238
14. Святые покровители	260
15. Озеро чероки	279
16. Здравый ум и твердая память	290
17. Ризобия	297

1

НЕ ВСЕМ УДАЕТСЯ СБЕЖАТЬ

Накачивать колеса я боюсь с того самого дня, когда шина трактора, которую надувал отец Ньюта Хардбина, вдруг лопнула и зашвырнула его на рекламный щит компании «Стэндард Ойл». Я не вру! Там, наверху щита, он и повис. Пока Норман Стрик бегал в здание суда и оттуда вызывал добровольную пожарную команду, у щита столпилось человек двадцать. Пожарные прихватили с собой лестницу, с ее помощью они и стащили бедолагу вниз. Но он не умер, а только оглох. Ну и, вообще, с тех пор стал немного не в себе. Сказали, что шину он просто перекачал.

С Ньютом Хардбином мы не дружили. Этот парень был одним из тех великовозрастных лоботрясов, что постоянно остаются на второй год. Ему было уже почти двадцать, а он все еще торчал в шестом классе; сидел в последнем ряду и развлекался тем, что щелчком отправлял комки жеваной бумаги мне в волосы. Но в тот день, когда его папашу закинуло на рекламный щит и он болтался там, как старый комбинезон на заборе, я вдруг поняла, к какому финалу, в конце концов, Ньюта приведет жизнь, и мне стало его жаль. Кстати, до этого самого момента я никогда, пожалуй, и не задумывалась о будущем.

Мама говорила, что Хардбины плодятся лишь для того, чтобы свалиться где-нибудь в колодец и утонуть. Что

не было до конца правдой, так как по нашей округе та-
скалось довольно их отпрысков, и многие доживали до
зрелого возраста. Но мне было понятно, что мама имела
в виду.

Я совсем не хочу сказать, что мы с мамой были в чем-
то лучше Хардбинов. Нет, и у нас лишнего гроша за ду-
шой не водилось. Более того, если бы вы поставили нас
с Ньютом плечом к плечу в нашем шестом классе, вы бы
наверняка приняли нас за брата и сестру. И, учитывая,
сколько мне известно о моем отце, это вполне может
быть правдой, хотя мама клянется, что отца своего я не
знаю, никогда его не видела и не могла видеть — просто
потому, что тот исчез задолго до моего рождения. Но, так
или иначе, мы с Ньютом были сделаны из одного теста,
и коленки у нас в детстве были ободраны совершенно
одинаково, когда мы дрались за место под солнцем, изо
всех сил стараясь устоять на ногах. Правда, тогда еще
нельзя было наверняка сказать, кто из нас останется в на-
шем болоте, а кто сумеет выбраться и сбежать.

Все, кто меня знал, звали меня Мисси. Это не было
моим настоящим именем, но, когда мне было три года,
я топнула пухлой ножкой по полу и потребовала от ма-
мы, чтобы она звала меня не Мариеттой, а *мисс* Мари-
еттой, поскольку в домах, где она работала, мне велели
всех, от мала до велика, звать *мисс* такая-то или *мистер*
такой-то. Так с тех пор и повелось, и я стала мисс Ма-
риеттой, а после — и просто Мисси. Потому что я так
захотела, а мама всегда была на моей стороне.

Такой уж была моя мама. Неподалеку от нашего дома
есть небольшой пруд. Когда я была совсем маленькой,
я ходила туда по воскресеньям ловить рыбу и приноси-
ла домой костлявых синежаберников и окуней размером
с мой большой палец. Мама встречала меня с таким ви-
дом, будто я поймала карпа на полцентнера — ровно

такого, о каком мечтают, сидя и жуя табак, все рыбаки в нашей округе.

— Ах ты, добытчица моя! — говорила мама, после чего готовила эту мелюзгу и торжественно подавала к столу, словно это был обед в день Благодарения.

Я обожала рыбачить в местных заиленных прудах. Не только потому, что мне нравилось, с какой гордостью мама принимает мою добычу, но и потому, что я просто любила сидеть и не двигаться — вдыхать запах листвы, гниющей в холодном иле, смотреть, как по воде вышагивают водомерки, у которых под лапками водная пленка чуть прогибается, но никогда не рвется; а то увидеть вдруг, как в толще холодной воды сверкнет коричнево-золотистым боком огромный линь — такой, какого никто и не мечтает здесь изловить.

К старшим классам, когда у меня появилась первая работа и все такое, Ньюта в школе, понятно, уже не было, и тут как раз случилась с ним та жуткая история, о которой я хочу рассказать. Он тогда помогал своему отцу-полукалке сажать табак и уже успел жениться на девице, которая незадолго до этого от него залетела. Звали ее Джолин Шэнкс, и все были немного удивлены или, по меньшей мере, притворялись, что удивлены ее поступку, а про Ньюта никто и слова не сказал — чего еще ждать от этих Хардбинов?

Я же учебу не бросила. Не то, чтобы я была самой умной или имела выдающиеся способности, нет, — я просто не хотела повторить историю Джолин. Уж коли ты пошла в школу, то обязана ее закончить. Если честно, я прекрасно знала, что может происходить ночью на заднем сиденье «шевроле»; не раз бывала на Траттен-роуд, которую мы называли «Трахтен-роуд», и хорошо представляла, что у парней спрятано в штанах. Но мне все равно не улыбалось закончить жизнь женой табаководы.

Сидеть на кухне беременной, в застиранном халате, — это не для тебя, говорила мама. Кому, как не ей, меня знать.

Именно с таким настроением и без особых происшествий я добралась до выпускного класса. Хочу, чтобы вы поняли, чего мне это стоило: в те годы мои одноклассницы одна за одной бросали учебу — они осыпались, словно семена мака из маковой головки, и каждый лишний день в школе был для них как подарок. К последнему классу нас осталось вдвое меньше, чем парней. И вот тогда, словно в награду за проявленную твердость, нам назначили нового преподавателя естественных наук. Звали его Хьюз Уолтер.

Теперь — о *нем*, и поподробнее. Он ворвался в нашу жизнь внезапно. Светловолосый, сильно смахивающий на Пола Маккартни, он уселся на учительский стол. На нем были тугие джинсы и свежая рубашка с закатанными рукавами и подвернутыми манжетами. На его фоне парни из нашего класса сразу показались какими-то несвежими драными носками — вроде тех, что мама приносила домой на штопку. Нет, Хьюз Уолтер не был парнем из Кентукки. Он был городской, приехал из какого-то северного колледжа, и именно поэтому, как мы дружно решили, его звали так странно, задом наперед.

Не скажу, что я в него по уши втрескалась. Разве что немного, но не больше, чем прочие мои одноклассницы, о чем можно было судить по стенам нашего туалета: той помады, что они извели, выводя там «Х.У., я навеки твоя!», хватило бы, чтобы покрасить приличных размеров амбар. В этом смысле он меня не задел. Но жизнь мою переменял от и до.

Он нашел мне работу. Я и раньше, чтобы помочь маме свести концы с концами, помогала ей по воскресеньям с глажкой белья, за которую ей платили сушие гроши, и время от времени присматривала за капризны-

ми отпрысками хозяев в домах, где она убиралась. Иногда мне удавалось подработать, собирая жуков на фасольных грядках — по пенни за куст. В общем, ничего интересного. Он же нашел мне настоящую работу в питтмэнской окружной больнице, которая на сто миль вокруг считалась самым солидным и чистым заведением. У мистера Уолтера была жена, которую звали Линда и наличие которой никоим образом не принималось в расчет женской половиной нашей школы. Миссис Линда Уолтер занимала в больнице должность одной из старших медсестер. Она спросила мужа, нет ли у него среди старших школьниц кого-нибудь, кто смог бы поработать у нее по субботам и после школы, чтобы потом, после окончания, остаться в больнице уже на полную ставку. Работа несложная — это подай, то принеси... Так он нам все и изложил.

Конечно, вы бы подумали, что он даст эту работу одной из Полосатых Конфеток, городских девиц, у предков которых было достаточно денег, чтобы покупать им каждый год новую бело-розовую, в полоску, волонтерскую форму, в которой они по субботам таскали больничные утки с таким видом, будто это — святейшая из святынь. Или, может, Эрлу Уикентоту, который способен, не моргнув глазом, разрезать на две половинки живого червяка? Именно этими соображениями я и поделилась с мамой на заднем крыльце нашего дома. Мы лутили горох — я сидела на табуретке, а она в своем переднике устроилась в плетеном кресле.

— Эрл тебе и в подметки не годится, — сказала мама. — Детка моя! Когда тебе было пять лет, ты съела целого червяка и не поморщилась. Ничем он не лучше тебя. Как и любая из этих Полосатых.

И все-таки я думала, что Хьюз Уолтер предложит работу кому-нибудь из них. Так я ей и сказала.

Мама подошла к краю крыльца и высыпала пригоршню пустых гороховых стручков из передника в клумбу. Там росли бархатцы и огненно-красная космея. Это у нас фамильное — мы любим только яркие краски. Когда на линейке в школе я стояла в общем ряду, отыскать меня среди купленных в «Бобби Брукс» унылых розовых и бежевых одеяний было проще простого.

Медгар Биддл, который целых три недели был моим парнем и даже сопровождал на выпускной вечер, как-то сказал, что по моей одежде можно проверять зрение. Не на остроту, когда вам показывают таблицу, где в начале стоит большая «Е», а на дальтонизм, как перед армией. Мы с ним тогда решили расстаться, но мне все равно это польстило. Я давно решила: если уж не смогу одеваться элегантно, то оденусь так, что меня запомнят.

Набрав в передник очередную кучку полных гороховых стручков, мама вновь уселась в кресло. Она совсем не походила на тех молодых мамаш, что на школьные соревнования своих детей приходят в обтягивающих джинсах. Она выросла совсем в другое время. До того, как на свет появилась я, маме пришлось пережить крутые времена, включая недолгий период, когда у нее был целый муж, некто Фостер Гриер, которого назвали в честь Стивена Фостера, дяденьки с добрым лицом из учебника по истории, известного тем, что он написал балладу «Мой старый дом в Кентукки». Но через двадцать два года после того, как мать Фостера дала сыну это имя, она умерла. Говорили, что от разбитого сердца. Сам же Фостер прославился тем, что пил как лошадь, заливая в себя виски через воронку для бензина. Моей маме он строго-настрого наказал, чтоб не вздумала выкинуть финт и забременеть. Позже мама говорила, что, обменяв меня на Фостера, она заключила самую удачную сделку из всех, что совершались на берегах Миссисипи.

С гороховыми стручками мама расправлялась в три раза быстрее, чем я: ее правая рука ловко изворачивалась, два пальца подцепляли тоненькую ниточку, торчащую из кончика стручка, а третий выталкивал горошины наружу.

— Я себе представляю это так, — сказала мама. — Каждый из людей — это все равно что огородное пугало. Ты, я, Эрл Уикентот, президент Соединенных Штатов, даже Всемогущий Господь. А устоишь ты на ветру или нет, зависит от палки, на которую тебя насадили. Только и всего.

Несколько мгновений я молчала, после чего сообщила маме, что попрошу мистера Уолтера дать мне эту работу.

Воцарилось молчание. Тишину нарушал лишь Генри Биддл, который гонял газонокосилку у себя во дворе, да гороховые стручки, с хрустом являвшие миру свои сокровища.

Потом мама сказала:

— А дальше что будешь делать? Он же не знает, что лучше тебя ему не найти.

— Так я ему об этом скажу, — отозвалась я. — Если, конечно, он не отдал место какой-нибудь Полосатой.

— Даже если отдал — все равно скажи, — улыбнулась мама.

Как оказалось, места в больнице он пока никому не отдал. Два дня о работе ничего не было слышно, а потом я осталась после уроков и сообщила мистеру Уолтеру, что, если он не передумал, я готова начать, и что у меня, конечно же, все должно получиться самым лучшим образом. Уж если мне удалось до этого дня не нажать себе неприятности, то и впредь я не собираюсь пускать жизнь под откос только потому, что оканчиваю школу. Мистер Уолтер согласно кивнул головой, пообещав передать мои слова Линде, и велел в понедельник явиться прямо к ней — она скажет, что нужно делать.

Поначалу я думала, что за место придется побороться, но, когда все закончилось так быстро, растерялась и не сразу сообразила, что сказать. У Хьюза Уолтера были самые чистые ногти во всем округе Питтмэн.

И тогда я спросила, почему он отдает это место именно мне, на что он ответил, что я подошла к нему первой — только и всего. И тогда я подумала: сколько времени мои одноклассницы тратят впустую, мечтая о том, чтобы что-то предложить Хьюзу Уолтеру! А я единственная взяла — и предложила. Хотя, конечно, нужно правильно формулировать предложение...

Оказалось, что работать мне придется в основном с Эдди Рикеттом, который заправлял лабораторией. Там были и кровь, и моча, и кое-что похуже, но я не собиралась жаловаться. А еще был рентген. Эдди был этакий веснушчатый старичок — впрочем, не такой уж и старый, поскольку все в больнице заметили, что он не женат. Только Эдди был из тех людей, кого никогда не спрашивают, почему они так и не обзавелись семьей.

Эдди со мной не нянчился, не относился как к учительской любимице. То есть никакой лишней хрени, и мне это было вполне по душе — я же пришла в больницу, чтобы дело делать, и я его делала. Лаборатория и рентген-кабинет занимали две смежные комнаты, и там постоянно сновали люди — распахивали двери, что-то носили туда и обратно, скрипя подошвами по черному линолеуму пола. Вскоре я стала одной из них — знала, куда положить какую бумажку, и, не морща носа, таскала всякие продукты человеческой жизнедеятельности.

Я многому научилась. Научилась смотреть в микроскоп на клетки крови, которые назывались пластинками тромбоцитов, хотя ни на какие пластинки они похожи не были; скорее — на разношенные бейсбольные перчатки. Я размазывала разведенную специальным раствором ка-

пельку крови по стёклышку и, шурясь, считала их количество. Держу пари, от такой работы можно очень скоро ослепнуть, но, к счастью, в округе Питтмэн было не так много людей, которым срочно требовалось узнать, сколько тромбоцитов у них содержится в миллилитре крови.

Я не проработала и недели, когда это случилось. Была суббота. Из приемного покоя примчались санитары и принялись кричать, чтобы Эдди готовил свой аппарат. У Хардбинов случилась авария, привезли парочку. Впрочем, к этому все были привычны. Эдди только спросил, насколько дело спешное, и не нужна ли ему будет помощь, чтобы зафиксировать их перед рентген-аппаратом. Те сказали: одному нужна, другому нет. То есть один из них горяченький, а другой — совсем холодный.

У меня не было времени подумать, что это значит, потому что в эту же секунду в кабинет ввезли кресло-каталку, на которой сидела Джолин Шэнкс, а точнее — Джолин Хардбин; вслед за ней, как я успела увидеть, везли носилки на колесиках; их оставили в коридоре. Джолин выглядела как героиня фильма, смотреть который ну совсем не хочется! С правого плеча через всю грудь у нее тянулся мокрый язык кровавого следа, лицо и губы были блее полотно, и ее большая физиономия выглядела как кусок бледного теста. Тем не менее, она ругалась и всячески сопротивлялась, и не было похоже, что она собирается отдать концы. Когда я взяла ее за запястье, чтобы помочь встать с каталки, ее рука вывернулась из моей хватки, словно стальной канат. Джолин была явно не в себе, потому что кричала, как бы обращаясь к кому-то, скорее всего — к Ньюту:

— Не смей этого делать!

И, после короткой паузы:

— Иди и прибей своего папашу, если уж на то пошло!

На него злись, а не на меня!